

Петр Никитич Ткачев

Больные люди

"Бесы", роман Федора Достоевского, в трех частях. Спб., 1873

Критика 70-х гг. XIX века / Сост., вступит. ст., преамбулы и примеч. С. Ф. Дмитренко.-- М.: ООО "Издательство "Олимп""; "Издательство "АСТ", 2002 (Библиотека русской критики)

[OCR Бычков М. Н.](#)

1

"В юности увлекался... с летами сознал свои заблуждения, раскаялся, отрекся от прошлого и строго осудил свои юношеские мечтания", -- вот в коротких словах история таких писателей, как г. Федор Достоевский. Я знаю, что некоторые поверхностные умы находят это не совсем благовидным и даже... хуже того. Но очевидно, что эти поверхностные умы никогда не раскаивались и не отрекались -- в противном случае они должны были бы понять, сколько великого самоуслаждения заключается в акте публичного раскаяния и отречения. "Глядите на меня, добрые люди, как я смел и независим: сегодня я говорю и делаю как раз противное тому, что говорил и делал вчера, и я не скрываюсь, не прячусь, -- напротив, я открыто и торжественно объявляю, что вчера я был одним, а нынче другим". И этот герой дня сознает себя несравненно выше всех этих ординарных "людишек", которые имеют глупость упорствовать в увлечениях своей юности, которые приросли к своим убеждениям, как улитка к раковине, которые считают измену низостью, ренегатство -- пошлостью. Разумеется, если слишком многие и слишком часто будут прибегать к этому дешевому (а иногда и очень выгодному) средству самовозвеличения и самоуслаждения, то можно думать, что "отречение" и "раскаяние" утратят все свои обаятельные свойства, -- из актов, требующих некоторого геройства и смелости, они превратятся в акты самые будничные и ординарные. Можно опасаться, что у нас это скоро и случится: слишком уж много развелось кающихся и отрекающихся. Конечно, с более высшей, общественной точки зрения это факт весьма утешительный: юношеские увлечения теряют свой вредный характер и становятся даже в высокой степени полезными, служа постоянно предлогом к самообличению и самобичеванию...

Этот великий акт публичного самозаушения в последнее время едва ли кто производил над собою с таким геройским самоотвержением, как разбираемый мною автор "Бесов". Что г. Достоевский в юности увлекался -- это ни для кого не составляет тайны. Ни для кого не составляло также тайны, что он давно, по-видимому, п_о_к_а_я_л_с_я и о_т_р_е_к_с_я. Сам г. Достоевский употреблял всевозможные усилия, чтобы рассеять на этот счет всякие недоумения. Начал он, разумеется, тихонько и исподволь: с гг. Страхова, Аполлона Григорьева и незабвенных "кнутиков либерализма", а кончил Мещерским, "Гражданином" и "Бесами". "Русский вестник" служил ему переходною ступенью из стойла "Эпохи" в причетническую "Гражданина"; "кнутики либерализма" и "свистуны из-за куска хлеба"¹ логически привели его к бесовщине г. Стебницкого. По-видимому, раскаяние и отречение полное: далее Лескова нельзя же идти! Понятно, с каким искренним удовольствием должны были следить прежние его противники за успехами автора "Мертвого дома" на поприще покаяния. Успехи эти казались не подлежащими ни малейшему спору, и вдруг... и вдруг -- о, ужас! -- Достоевский отпирается и отрекается от собственного покаяния, г. Достоевский жалуется, что его "не понимают" ("Гражданин", No 3, 1873 г.), что его мысли превратно истолковываются, что его "аллегориям" придается смысл, которого они вовсе не имеют². Бедный г. Достоевский! Его постигла участь, уже раз испытанная одним из его верных соратников по "Эпохе" г. Страховым. Сей философ в те дни, "когда нам было ново сказанье правды и добра" и когда он еще не писал о женском вопросе, вздумал было, порешив с цивилизацией луны, заняться вопросом о цивилизации Польши. Вопрос был очень тонкий и щекотливый; наш философ, как говорят, т. е. как он сам говорит, желал разрешить его в смысле гг. Каткова и Аксакова, но на самом деле решил его так, что навлек на себя нареkanie в сеянии "смут и крамолы", и Аксаков с Катковым не только не одобрили его, но едва ли не первые обличили его в измене и призвали к порядку. Философ, как, вероятно, помнят читатели, совсем растерялся: он публично расплакался и покаялся. Все оказалось одним недоразумением: философа не поняли, слова его превратно истолковали³. Теперь та же история повторяется с г. Достоевским. Лет восемь тому назад написал он небольшой фантастический рассказ, который приняли в то время за пасквиль на "одно лицо". Г. Достоевский, как теперь оказывается, очень